
Тридцать лет работы Дарвиновского Музея и перспективы его деятельности

Юбилейный отчет. 24 апреля 1940 года.

Александр Федорович Котс

Ответное и благодарственное слово Юбиляра — есть задача, выполнение которой представляет исключительные трудности. И, если все же я посилюсь попытаться выполнить ее сегодня, то лишь в силу следующей оговорки.

В полное отличие от зарубежных юбилеев, протекающих обычно в атмосфере выдвигания заслуг **отдельных** лиц, — советские работники привыкли связывать свой труд с работой — **коллектива** и смотреть на знаменательные даты своей жизни, как на дни « **отчета перед обществом** » и за него.

Такое выдвигание роли Общества и Коллектива в данном случае особенно оправдано еще и потому, что из обеих дат, стоящих на повестке нынешнего дня, — одна всецело поглощается другой: настолько мое скромное Шестидесятилетие всецело растворяется в истории создания Дарвиновского Музея, как родившегося 35 лет тому назад, «зачатого» — гораздо раньше, на исходе прошлого столетия...

Именно в этом смысле разрешите мне рассматривать сегодняшний наш вечер, не как «мой», но как «наш» вечер, вечер коллектива **Дарвиновского Музея**, отнести по его адресу Ваше присутствие, Ваше внимание.

Именно в этом смысле разрешите мне на этот день прикрыться Юбилеем нашего Музея, скрыться за его шкафами, стенами и экспонатами.

А там, где вопреки моим стараниям остаться по возможности в тени, мне это не удастся, — я просил бы Вас не понимать это, как признак самомнения, но взглянуть на Вашего докладчика, как на живой «музейный экспонат», достаточно своеобразный, чтобы оправдать подробности «этикетажа»...

В свете этого «музейного подхода» я решаюсь в первой части моего доклада задержаться на отдельных фактах персонального характера, на моем «жизненном этикетаже», очертить немногими штрихами годы Детства, Отрочества и Юности нашего **Дарвиновского Музея**.

Как любой общественный, или природный организм, так и **Дарвиновский Музей** сложился в качестве продукта двух взаимодействующих факторов: Природы «**организма**» и природы «**окружающих условий**».

В свете этого элементарного разграничения попробуем решить вопрос: «Какая роль приходится на долю каждого из них, этих обоих факторов в истории возникновения **Дарвиновского Музея**?»

Опасаясь вызвать возражение всех **немусейцев** и **непедагогов**, я начну с исходного, решающего тезиса:

Первейшим и необходимейшим условием для настоящего музейца следует считать **эмоциональный**, а не только умственный, **рассудочный** подход в подборе содержания Музея.

Говоря определеннее: **страсть к коллективированию**, любовное вживание, вчувствование в музейные объекты, независимо от их научной или экспозиционной ценности, — вот основной спецификум психологического склада прирожденного музейца.

Чтобы показать готовые музейные объекты, или их «реэкспонировать», — достаточно быть знатоком вещей и требований зрителей.

Чтобы построить заново Музей, создать его «из ничего» — необходима музееологическая страсть «маньяка-собираателя».

Эту сомнительную привилегию, — но не заслугу — быть природным музеологическим «Маньяком» — я решаюсь всего прежде приписать себе.

Любовно-яростно-ожесточенно собирал я, будучи ребенком, — и фарфоровых зверушек, и рельефные картинки со звериными изображениями, позднее, перья кур, образчики волос, украдкой выстригаемых из шуб, головки, ноги, крылья птиц из кухонных остатков, мух навозных около помойных ям, еще позднее бабочек, жуков, еще позднее — чучела зверей и птиц...

И все это при жизни в городе, среди булыжных мостовых, кирпичных стен, при обучении в классической гимназии, в которой слово «Биология» за 8 лет учения в ней ни разу не произносилось!

Здесь легко предвидеть возражение. Мне скажут: Окружи Вас смолоду иная обстановка и другие люди и дорога Вашей жизни оказалась бы иной — Вы стали бы врачом, актером, музыкантом, коммерсантом, техником или художником и тоже стали бы ссылаться на «наследственные данные»...

Но так ли это? Безусловно и заведомо не так!

Но, чтобы убедиться в этом, мне придется совершить нескромность и коснуться ближе моего образования и воспитания в ранние детские и отроческие годы.

Это воспитание мое возможно охарактеризовать одним лишь восклицанием: «Чему меня лишь не учили!?»

Обучали меня иностранным языкам и это было самое реальное. Однако и по овладении ими я не стал филологом подобно моему отцу.

Учили меня музыке.. Играл я на рояле и Бетховена, и Грига, и Шопена, и Чайковского.. Учился музыке десяток с лишним лет .. Увы! из некогда обширного репертуара я сейчас с трудом играю лишь «Адажио» из Патетической Сонаты...

И, однако, даже сорок лет тому назад, когда я бегло исполнял «Аллегро» названной сонаты, я не в состоянии был разобрать самостоятельно и пары тактов, или подобрать по слуху самые избитые мотивы..

Но не только на рояле обучался я играть.. Учился я играть и на валторне, на трубе.. с успехом, правда, еще более сомнительным: реально я только однажды, полвека тому назад, смог применить мое искусство на охоте с гончими, когда при помощи охотничьего рога я проделывал сложнейшие фиоритуры к удивлению охотников и к замешательству охотничьей собачьей своры...

Эта музыкальная моя бездарность связана с моим живейшим отвращением ко всему, что связано со счетом: по суждению всех людей, меня хотя немного знающих, а мнение их несколько не преувеличено! — я в праве называть себя рекордным, выдающимся.. тупицей в сфере математики.

В программе моего образования не забыто было и искусство!

Долгие годы, с самых ранних детских лет, брал я уроки рисования но увы! и эта Муза обошла меня вниманием..

В той же мастерской художника Мартынова — прекрасного акварелиста, обаятельнейшего из людей — где я работал, будучи студентом, занимались Езучевский и Ватагин, ставшие позднее подлинными мастерами.

Обучавшийся усердно вместе с ними будущий директор Дарвиновского Музея преуспел только в объеме, лишь едва достаточном для иллюстрации анатомических работ.

Перефразируя слова Карла Ивановича, немца-губернера из бессмертной повести «Детства и Отрочества» **Толстого**, я имел бы право про себя сказать:

— «Я был пианист, я был трубач, меня учили древним языкам, и математике, и музыке, и рисованию, и лыжам, и конькам, и танцам, и стрельбе, и верховой езде, и фехтованию.. и во всем я оказался „нуль“ — или, — что то же — нудная посредственность!»

А вот науке о животных и любви к животным меня в детстве ни в малейшей мере **не** учили... Тем не менее, с трех лет я себя чувствую зоологом, с пяти — музейцем, страстным собирателем всего, что хоть немного относилось до животных и напоминало их.

Эту мою любовь к Природе, в частности к животным я считаю унаследованной от отца-ботаника и матери — энтузиастической любительницы цветов.

Ни о какой заслуге самого меня в этом процессе получения моего духовного наследства говорить, конечно, не приходится.

Хвалить меня за это, за стихийное стремление к собиранию любимых образов или объектов — столь же обосновано, как восхвалять меня за форму носа или густоту волос...

На очереди рассмотрение второго фактора; сыгравшего решающую роль в истории музея: этот фактор — величайшая **настойчивость** в работе по созданию Музея.

Правда, что упорство это свойственно самой природе настоящего музейца и неотделимо от него: музейец, собирающий «в мечтах», в одном воображении, — то же, что поэт, «творящий втихомолку», в мыслях и не закрепляющий их на бумаге.

Из бесчисленных примеров долголетнего «выцеливания» и конечного «ухлопывания» желательных объектов, приведу только один.

Примерно полстолетия тому назад, некто Иван Иванович Залогин, состоятельный купец, охотник и домовладелец, приобрел за тысячу рублей (сумма — громадная по тому времени!) обширную коллекцию так называемых «выродков» тетеревиных птиц от знаменитого когда-то по Москве натуралиста-препаратора **Ф. Лоренца**.

Работая уже в ту пору — над усердным собиранием цветовой изменчивостью этих птиц, я много раз ходил к Залогину в его роскошный особняк, чтобы описывать эту редчайшую коллекцию, висевшую в столовой, наряду с фамильным серебром, в большой витрине, освещенной электрическими лампами.

О приобретении этой коллекции в ту пору, разумеется, не приходилось думать: сам охотник и спортсмен, **Залогин** мог по справедливости гордиться замечательной коллекцией, четвертой в мире (Бонн, Тринг, Рига) и единственной тогда в Москве.

Поэтому легко вообразить мое отчаяние при вести, что Залогин передал свою коллекцию в Политехнический Музей.

Приелось ли ему глядеть из года в год на тех же птиц, шепнули ли ему домашние врачи о негигиеничности держать в столовой промышленные чучела, или — как выяснилось позже — главною виною этой передачи был монах ближайшего монастыря и духовник Залогина, не одобрявший помещения чучел птиц по близости икон, — решить я не берусь. Факт оставался фактом: уникальная коллекция уплыла мимо Дарвиновского Музея.

Много раз навещался я в Политехнический Музей, нащупывая деликатно почву о возможности переуступки замечательной коллекции.

Увы! напрасные старания! Как ценный дар, коллекция считалась **неприкосновенной** и хранилась в двух больших витринах с металлическими досками, имевшими увековечить имя жертвователя — Залогина.

Сложившаяся ситуация казалась безнадежной.. И, однако же мириться окончательно с потерей для меня залогинской коллекции я не хотел, да и не мог.

И вот, в один прекрасный день я отправляюсь в особняк Залогина и завожу издалека беседу о тетеревах.

Физическое состояние Залогина было в ту пору таково, что интерес его к тетеревам значительно померк. И на вопрос, не согласился бы он, дать согласие свое на то, чтобы коллекция его когда-нибудь была бы передана в другой Музей — Залогин вяло дал свое принципиальное согласие.

Едва ли нужно говорить, что писанный «Текст Отречения» имелся у меня в кармане заготовленным заранее и несколько минут спустя я получил желаемую подпись.

Заручившись ею, я, по возвращении домой, запрятал документ в шкатулку и уверенно и терпеливо начал ждать возможных изменений конъюнктуры в сторону благоприятную для предъявления Залогинской бу- маги.

Ждать пришлось недолго, — восемь лет.

Октябрьская Революция, так совершенно изменившая духовный строй и направление нашей культуры, в корне изменила и музейную работу, всего прежде, в сторону более строго учета профиля, спецификама каждого Музея.

В частности перед Политехническим Музеем, как музеем **прикладных наук**, поставлена была задача — ближе и теснее увязать отделы Зоологии с задачами Пушного Промысла.

И полагая, что настала вожделенная пора, я обращаюсь в Управление **Политехнического Музея** с пред- ложением — реорганизовать Отдел пушной промышленности при условии переуступки **Дарвиновскому** Музею всей Залогинской коллекции.

Ответ Правления: Предложение приемлемо, не будь коллекция Залогина получена в порядке дара, почему она не может быть изъята без согласия и воли жертвователя, давно умершего...

В ответ я извлекаю с торжеством хранившуюся у меня бумагу с подписью Залогина о неимении препят- ствий к передаче его дара Дарвиновскому Музею и спустя немного дней коллекция Залогина победоносно водворяется в нашем Музее.

Случаев, подобных предыдущему, я смог бы привести несчетное количество. Но ведь не в этом дело. Нас интересует здесь другое: в какой мере в этой фанатической настойчивости, без которой невозможно было бы создать Музея, — в какой мере в этом сильном волевом начале есть какая-либо доля собственной моей заслуги?

Отвечаю: никакой!

Эту настойчивость, это упорство, чтобы не сказать упрямство, я всецело унаследовал от моей матери, ее железной воли, твердости при достижении поставленных задач и целей.

Та же самая настойчивость, которая когда то вынуждала мою мать разыскивать заброшенные старые бу- тылки, чтобы вырученными от их продажи денег уберечь детей от голодания; — та же самая настойчивость, которая когда-то заставляла меня мальчиком годами добровольно голодать, затрачивая данные на завтрак деньги на покупку мертвых птичек и зоологических картинок, — та же самая настойчивость, то же упор- ство мною двигали полвека, побуждая день за днем и год за годом собирать, накапливать десятки, сотни, тысячи научных экспонатов для Музея...

Повторяю: в этой властной воле и настойчивости, без которой не было бы **Дарвиновского Музея**, — видеть личную мою заслугу — не приходится. Эту заслугу я всецело отношу на долю моего духовного наследия.

На очереди следующая черта: Страсть к педагогии, без какой не может быть массовика-Музейца.

Это страстное влечение к педагогическому делу, эта радость передачи собственного знания — черта типич- ная и специфическая для советского музейца..

И, однако, если справедливо было сказано, что истинные педагоги в той же степени рождаются, как му- зыканты и художники, то для того, чтобы могло активно выявиться это дарование — необходимы внешние благоприятные условия.

И в самом деле. Чтобы пробудиться прирожденной страсти музеолога или зоолога — было достаточно наличие по улицам Москвы ворон и галок, голубей и воробьев, навозных мух возле помоек, кур, роняющих перо и меховых пальто и шуб в передних.

Чтобы пробудиться прирожденному влечению к педагогии нужна была определенная педагогическая уста- новка и знакомства, встречи с выдающимися педагогами.

Вот почему, за единичным исключением, преподавание в Гимназии с его былой суровой школьной ферулой, бессильно было пробудить во мне дремавшую врожденную любовь к педагогическому делу.

Но не то при переходе в Университет, при слушании лекций, полною факультативностью своей и яркостью подачи гарантировавших интерес к предмету и его преподаванию.

В ту пору — полстолетия тому назад, в центре внимания студентов- первокурсников-биологов стояли лекции крупнейшего тогдашнего зоолога — профессора Михаила Александровича **Мензбира**, с которым я знаком был с гимназической скамьи.

Талантливый ученый-дарвинист, блестящий лектор, мастер письменного слова Мензбир закрепил во мне заброшенную с школьной кафедры одним учителем любовь к призванию лектора и педагога, лишь созвучную природной склонности — влечения и тяги к обаянию живого слова.

Что же удивительного, если после окончания Университета и по оставлении меня при кафедре профессора Мензбира — страсть, которую я внес в преподавание, сравнима лишь со страстью самого заядлого картежника. Достаточно сказать, что даже прозаичные занятия со студентами по вскрытию лягушек проводились мною с пафосом, не говоря уже о лекциях по Анатомии и Дарвинизму, долгими годами мною читанных на Высших Женских курсах и позднее в Университете.

И позднее, когда выяснилось, что возросшие работы по Музею исключают профессуру в Университете, было лишь естественно перенести мой долгий лекционный опыт в стены Дарвиновского Музея.

В результате **полмиллиона** посетителей, студентов, педагогов, школьников, колхозников, рабфаковцев, красноармейцев, лично мною обслуженных за 30 с лишним лет существования Музея, как Советского и массового учреждения.

И тысячи восторженных и трогательных отзывов, оставленных моими слушателями в «Книге Посетителей», останутся, конечно, до заката моей жизни самой лучшей, длительной моей наградой, по существу, наградой **незаслуженной**, по той причине, что мое влечение к педагогике во мне настолько же врожденное, как и призвание зоолога и музеолога.

Возможно, даже несомненно, что знакомство с выдающимися лекторами стимулировало мое страстное желание отдать себя служению умственной культуре помощью живого слова. И, однако, чтобы стимулировать желание, надо иметь его и я всегда смотрел на мою страсть к преподаванию, как на врожденную, как унаследованную от педагога-матери и от учителя-отца.

Но, если так — то очевидно, что и с этой стороны моей работы или моего призвания **нет** места для признания особенных заслуг. И, обслуживши сотни тысяч благодарных слушателей, я лишь изживался в своем собственном призвании, и каждый прирожденный педагог имеет право отнести к себе слова «Певца» в одноименной Гетевской балладе:

«Пою, как птица та поет,
Что в ветках обитает,
Та песнь, что из души идет,
Наград не ожидает!»

Таковы **три** первые существенные предпосылки, без которых я не смог бы приступить к созданию **Дарвиновского Музея**:

I. Страсть к животным и к музейному их собиранию.

II. Непреклонность воли и настойчивость в любимом деле.

III. Страсть к педагогической работе.

Но естественно спросить: Откуда мысль об отражении последних выводов биологической науки в вещных образах музейной экспозиции?

Ведь не родился я готовым дарвинистом, как родился я зоологом! Конечно, нет, поскольку дарвинистами **становятся**, а не **рождаются**, и стимулы к формированию научных взглядов следует искать **во вне**, в условиях среды и общества, в общении с людьми и книгами.

И в этом смысле путь от Дарвина к Музею, или от Музея к Дарвину был совершенно ясен.

Ранняя весна и лето 1905 года. Первая моя научная поездка за границу, первое знакомство с постановкой Зоологии и Дарвинизма в университетах Зап. Европы и десятками музеев.

Длительное изучение Британского Музея показало неудачность опыта крупнейшего Музея — вечно отразить основы Эволюционного учения и Дарвинизма: вместо стройной, целостной идеи — жалкие обрывки мыслей, робкие по форме, недоговоренные по содержанию.

И при виде этого разрыва, этой дисгармонии между идеей и музейной формой ее внешнего отображения было естественно родиться мысли о возможности более полного отображения учения **Дарвина** в особом, специально созданном для этого Музее у себя на Родине.

На очереди стал другой вопрос — о проведении идеи в жизнь.

Выполнение этой задачи было бы заведомо и совершенно невозможно, не найдись в нашей стране и, в частности, в Москве, ряд выдающихся художников и препараторов, этих реальных, подлинных строителей задуманного вновь Музея.

Справедливо было сказано одним из выдающихся ученых мирового ранга (проф. П. **Каммерера**), что «Русские — прирожденные художники». И доведись основывать Музей задуманного вновь научно-художественного типа **не** в России, — самая задача эта оказалась бы неразрешимой, как показывает опыт Зап. Европы и Америки.

Решающим моментом для фактического создания Дарвиновского Музея было самое наличие в Москве талантливых таксидермистов и художников, без каковых Музей наш оказался бы на положении школьно-учебного, для создания которого в любом количестве требуется лишь немного времени, немного средств, немного сил и никаких талантов.

Таким образом и в отношении вещных создателей музея, его подлинных строителей, — наличия в стране талантливых голов и рук — этот счастливый факт их нахождения в Москве — возможно только констатировать как редкую удачу, но не как заслугу основателя Музея.

Более того.

Что в том, что существуют даровитые художники, если использовать их дарования и силы — не под силу Учреждению?

Одно существование Репиных и Левитанов, Суриковых и Серовых не давало Галереи **Третьяковых**. И последним мало было обладать художественным глазом и организаторским талантом: нужны были средства, к сожалению, нужны были «рубли», — неиссякаемые дивиденды **Третьяковых**.

В еще большей степени это относится и относилось к **Дарвиновскому Музею**.

Более того. Для основания Музея нужны были не одни лишь средства, но и **стены**, требовалось **помещение**, ибо Музей не есть собрание почтовых марок, многотысячную стоимость которых можно унести в кармане. Требовалась «кубатура», «квадратура»..

Но откуда было взять ее бывшему основателю Музея?

С чувством глубочайшей благодарности приходится отметить здесь участие **Московских Высших Женских курсов**, именно в лице их гениального директора, профессора С.А. **Чаплыгина**.

Можно уверенно сказать, что без поддержки **Курсов** и без приглашения меня в число их молодых преподавателей — Музея не существовало бы.

Родись я десятью годами раньше, — все другие предпосылки к основанию Музея были бы в наличии: и заграничная поездка, и Музей Британский и его несовершенства, и таланты, дарования художников и препараторов, — но все это на деле оказалось бы бесплодным, ибо не было бы Учреждения, готового, подобно Женским Курсам, приютить и обеспечить материально первые шаги и первый опыт моего идейного создания.

И, однако же, тот факт, что первые мои шаги, как лектора-преподавателя, мне удалось связать с самым демократическим, передовым и наименее «казенным» в ту пору учреждением — я рассматриваю, как большую честь, как счастье, как удачу, но, конечно, всего менее, как личную свою заслугу.

Более того. Достойно обеспечив первые шаги развития **Дарвиновского Музея**, как Учебно-вспомогательного Учреждения, — средства Курсов были недостаточны для превращения Музея в **массовое учреждение**.

И вот, гостеприимно выращенный под кровлей **Женских курсов**, Дарвиновский Музей все более перерастал возможности своей приемной матери.

Как оперившийся орленок, переросший стены своего гнезда, — Музей напрасно простирал свои окрепнувшие крылья: было некуда лететь.

Итак, вопрос о превращении **Учебно-вспомогательного Учреждения** в **массовое** — такова была задача.

Разрешилась она лишь благодаря нашей Великой **Революции**, доставившей Музею средства, стены, штаты, все условия для превращения в массовое учреждение.

И снова, и опять является вопрос: перед лицом такого грандиозного события, как величайшей Революции, так совершенно изменившей жизнь и культуру Родины, — возможно ли серьезно говорить о роли и заслугах частного лица, только захваченного этим мировым событием.

И то сказать! Декабрьскую Революцию я проводил за микроскопом и планированием своего Музея.

Социалистическую Октябрьскую — за организацией Музея в отведенном мне впервые замкнутом музейном помещении.

И все же, эта внешняя моя далекость от политики не помешала мне с первых же месяцев Советской власти полностью включить себя в работу Комиссариата просвещения, а в последующем 1918 году открыто выступить на 1-ом Всероссийском Учительском Съезде, ознаменовавшем перелом в среде тогдашнего учительства, руководимом **Луначарским, Штернбергом и Потемкиным**.

И, чтобы объяснить тогдашнее немедленное направление курса **Дарвиновского Музея** по фарватеру Советской власти — остается рассмотреть последнюю черту «водителя музейного судна».

Эта черта — значительная доля настоящего, здорового **демократизма**, или говоря скромнее: устремления к нему!

Трудно сказать, когда и где впервые зародилась эта ставка на демократизм.

Помню только, как остро и тягостно воспринималось мною социальное неравенство людей во время пребывания моего на юге Франции, куда я ездил для работы на Биологической Приморской Станции в Вилла-Франке.

И доселе вспоминаю я то омерзение, с которым я глядел на бесконечные ряды автомобилей, мчавших игровых-виверов в игорные золоченные притоны Монте-Карло и Монако, как противны были надписи «Рантье» у входов заграничных вилл, цинично извещающих прохожих о безделии, о тунеядстве их владельцев..

Помнится, как даже кратковременный проезд по Волге на третьестепенном пароходе при поездке на Ветлужские Учительские Курсы, отравлялся для меня контрастом относительного внешнего довольства пассажира парохода и бездонной нищетой тогдашнего рабочего Поволжья...

Это осознание имущественного неравенства людей порою отливалось у меня в весьма наивные и архаические формы.

Помнится, как в первые годы после Революции, имея, как директор Зоосада собственный свой выезд, я мучительно воспринимал такую привилегию — иметь **свой** экипаж, когда за прекращением трамвайного движения, тысячи людей должны были передвигаться лишь пешком, ногами меряя запущенные улицы Москвы...

Припоминаю также, как охваченный в ту пору мыслью об устранении даже подобия «барского комфорта», я поторопился сплавить за бесценок кое-что из обстановки, из домашней моей мебели, казавшейся мне неуместной роскошью Советского ученого.

Как ни наивны были многие из этих чувств и начинаний, — но они свидетельствовали о бесспорной искренности убеждений и готовности отказа от мещанской мишуры и обывательщины, о пренебрежении к вещам, несвязанным с идейными запросами и интересами.

И вот, пытаясь проследить истоки этого — пусть примитивного — демократизма, можно видеть, что истоки эти связаны с моим «зоологизмом»...

В самом деле. Говоря о моих первых менторах, наставниках в искусстве препаратора, уместно вспомнить о солидной, рябоватой пожилой кухарке **Дарьюшке**, впервые показавшей мне, мальченку 8- ми лет, приемы сохранения головок рябчиков, тетеревов и куропаток..

И хотя безжалостное время развенчало Дарьюшкино мастерство, это последнее давало мне неизмеримо больше радости, чем нудные занятия с бесчисленными боннами и гувернантками...

И позже, мальчиком-подростком, помнится, в течение ряда лет я пользовался на дому приватными уроками по препаровке птиц у одного из мастеров, украдкой приходившего от своего хозяина по Воскресеньям, чтобы за небольшую плату и закуску инструктировать меня в несложной технике набивки чучел...

И позднее, приглашенный временно к заведованию Мастерской когда то знаменитого натуралиста-препаратора **Ф. Лоренца** (после его смерти и за плату «чучелами»..) в ежедневном деловом общении с рабочими, гнувшими спины в атмосфере мышьяковистых паров и смрада от сдираемых звериных трупов — все мои симпатии были, конечно, исключительно на стороне рабочих...

И, конечно, не случайно из среды тех моих бывших Лоренцевских препараторов- рабочих вышел самый давний, преданный сотрудник-сосоздатель **Дарвиновского Музея** и мой самый близкий друг — орденоносец **Ф. Федулов**.

В этом смысле заскорузлые, неопытные пальцы Дарьюшки, пытавшейся законсервировать в «духовке» крылья и головки рябчиков и куропаток; и веселый мой рабочий-препаратор, так охотно выдававший мне свое нехитрое искусство за преподнесенную ему с любовью «сотку»; — и рабочие препаровальной фирмы Лоренца и всего более мой друг **Федулов**, — в продолжении более полвека приобщили меня к двум вещам:

К основам препараторского дела, и к другому, еще более, быть может, ценному, попутно мне дарованному благу — к усвоению подлинного а не книжного, словесного **демократизма**, к длительному и любовному общению с рабочим человеком.

В этом смысле я могу считать себя учеником **рабочих** и могу считать, что в своей долгой жизни я на практике усвоил все великое значение одного из основных, руководящих лозунгов всей нашей современной жизни — сочетания работы умственной с трудом физическим, сближения людей физического и интеллектуального труда.

Эта полученная мною с детства школа постоянного общения с рабочими сделала то, что в меру своих сил я не отказывался никогда ни от какой работы, если она связана была с идейной целью, со строительством Музея.

Таковы главнейшие, доступные анализу и обсуждению условия и факторы, позволившие мне, в 1905 году, реально приступить к созданию **Дарвиновского Музея**, осенью 17-го года, слить свою работу с таковою **Наркомпроса**, в интенсивной творческой работе пережить послевоенную разруху, годы тифа, голода и холода и довести Музей до скромного сегодняшнего юбилея.

Эти факторы полезно еще раз здесь перечислить:

1. Врожденное влечение к животным и музейному их собиранию.
2. Настойчивость в работе над любимым, а порой и нелюбимым делом.
3. Страсть к педагогике.
4. Некая доля подлинного и здорового демократизма.

Первые три свойства я считаю унаследованными от моих родителей, четвертую черту, хотя и «благоприобретенную», но всецело связанной, сцепленной, с тремя первыми.

Усматривать в указанных здесь четырех чертах какие либо личные мои заслуги, — я не вижу оснований.

Переходим к четырем другим условиям:

I. Заграничная научная поездка и знакомство с зарубежными музеями.

II. Наличие в Москве ряда талантливых художников и препараторов.

III. Приурочивание первых лет работы **Дарвиновского Музея** к **Высшим Женским курсам**.

IV. Колоссальная поддержка **Дарвиновскому Музею** с первых лет Советской Власти.

Видеть в этих четырех моментах что либо подобное заслугам персонального характера, конечно, еще менее приходится: все эти факторы общественного, социального порядка и лежат далеко за пределами влияния отдельного лица.

Вот в каком виде представляются те восемь предпосылок, без которых невозможно было бы создание **Дарвиновского Музея**:

Первые четыре — персонального характера.

Вторые четверо — общественного, социального порядка.

Рассуждать, которые из них явились более решающими — мало продуктивно. И одно лишь можно с достоверностью сказать, что все эти условия и предпосылки, личные и социальные, в конечном счете упираются об основную, исходный фактор — прирожденную мою любовь к животным.

И родился я деревенским мальчиком, и проведи я свое детство где нибудь в глуши деревни, а не в городе, я сделался бы пастухом-стахановцем, животноводом, скотником, лесничьим, пчеловодом, или рыбоводом, — но к зверям своим я бы пробился так или иначе, рано, или поздно.

Внешняя среда, условия общественного окружения определили бы лишь место, форму моего служения, но не смогли бы вырвать тот стихийный стимул, что внесен был от рождения в мою жизнь и которым я обязан целиком моим родителям.

И эта прирожденная наследственная страсть к животным и к музейному их собиранию не только не зависела от моей личной воли, но наоборот, всецело властно и неумолимо диктовала мне мои стремления, все мои помыслы, все поведение мое за более, чем полвека!

Изменить и отклонить эти врожденные стремления я мог бы столь же мало, как влиять на форму носа, или цветность моих глаз

И подчиняясь этому диктаторскому, властному велению, изживаясь в этой страсти музеолога, — я находил огромнейшую радость и неиссякаемое счастье.

Видеть в этой радости и в этом счастье — личную мою заслугу, награждать меня за эту радость и за это счастье — то же, что благодарить поэта, или награждать писателя за радость его личного переживания в минуты творчества, благодарить заботливую мать — за радость, доставляемую ей ее ребенком....

Таковы причины, вынуждающие меня лично отрицать какую бы то ни было заслугу в том, что я родился фанатическим зоологом-музейцем-педагогом и застал среду способствовавшую тому, что эта страсть и фанатичность не остались втуне.

Но тем более уместно и оправдано, тем более необходимо именно сегодня помянуть заслуги лиц и учреждений, частью мною уже упомянутых, без помощи которых смелая идея молодого энтузиаста о создании «из ничего» на «голом месте» нового Музея, — в лучшем случае грозила бы остаться на бумаге....

Из громадного, необозримого количества этих имен, мне, к сожалению, придется привести только немногие, в разное время и в различной мере отозвавшихся на новое, задуманное мною начинание, — подготовивших возможность зарождения самой идеи о Музее и ее конкретного осуществления...

Первое место в благодарной моей памяти — или, что то же — в памяти **Дарвиновского Музея** — обеспечено за моей первой, дорогой учительницей, А.Н. **Милотворской** — впоследствии женой профессора Н.П. Кастерина.

Без Александры Николаевны, когда то настоявшей на переведение меня в Гимназию (из школы исключительно коммерческого типа..) путь мой к Университету, а там самым к профессуре и к созданию **Дарвиновского Музея** был бы для меня закрыт, а нынешний его директор занимался бы теперь коммерцией, продажей колбасы, или селедочек, делом, очень своевременным, почтенным, даже относящимся и к Зоологии, и к экспозиции, но не имеющим касательства ни к педагогике, ни к умственной культуре, ни к сегодняшнему вечеру.

Второе место в благодарной памяти музея следует признать за именем, доселе незабытым у зоологов и музеологов России.

Уроженец Польши, городка Вилюни, сын ткача, бывший работник фабрики, почти без всякого образования, Федор Карлович **Лоренц**, силой собственного дарования пробился к положению видного ученого, друга московской профессуры и руководителя трех поколений русских орнитологов.

Создатель знаменитой русской школы препараторов-таксидермистов, Ф.К. **Лоренц**, наделенный от природы редким даром понимания животной формы и ее посмертного отображения, является создателем бесчисленных музейных экспонатов, ныне, сорок лет спустя после кончины этого талантливого человека, сохраняемых в музеях в положении «зоологических музейных Страдивариусов»...

Можно с полной уверенностью утверждать, что без содействия и бескорыстного участия Ф. **Лоренца** — я никогда не приступил бы к основанию Музея, и не только потому, что ни одна другая препараторская мастерская (а их было насколько в Москве..) не согласилась бы работать для Музея на таких же льготных денежных условиях, но потому, что качество продукции прочих препараторов было настолько низко, что заведомо не позволяло мне воспользоваться ими.

Даже более того: Без **Лоренца** и его фирмы не было бы самого талантливого его ученика, неизмеримо превзошедшего его по мастерству — Филиппа Евтихиевича **Федулова**, создателя громаднейшего большинства всех препаратов **Дарвиновского Музея**....

Но без «старшего» **Федулова** мы не имели бы и «младшего» — Дмитрия Яковлевича **Федулова**, второго по искусству препаратора Союза...

Им обоим, но, конечно, всего больше старшему из них, самому давнему сотруднику и сосоздателю Музея, должно приписать не только честь — заслугу оформления Музея экспонатами, непревзойденными по мастерству монтажа величайшими музеями Европы, но и дружеской, самоотверженной помощью Музея в самые тяжелые, катастрофические годы.

Здесь достаточно лишь перечислить типы и разделы деятельности, так бескорыстно-жертвенно проявленной Филиппом Евтихиевичем для Музея:

Добывание и колка дров, топка печей, починка лопнувших водопроводных труб и электрического освещения. — Косыба травы для подопытных животных, — и уход за ними, — удаление снега с крыш и со двора музея; — добывание фуража для обитателей его: двуногих и четвероногих, оперенных и бесперых; — выполнение работы плотника и дровокола, слесаря, монтера, фуражира, лектора- экскурсовода (с замечательным успехом!), дрессировщика, истопника и всего прежде выполнение долга честного и преданного человека, долга в отношении себя и своего призвания.

Повторяю, что без **Лоренца** и без **Федуловых** Музей наш в лучшем случае сравнялся бы с десятками музеев и «музейчиков», наполненных коллекциями школьного, учебного характера, — полезными для школьников но не способными привлечь внимание ни масс, ни знатоков науки.

И, однако, ни образование в Гимназии, полученное мною лишь по настоянию А.Н. Милотворской, ни знакомство с Лоренцем — еще не обеспечивали создание **Дарвиновского Музея**, путь к которому лежал через избрание академической карьеры.

Этим приобщением к работе в Высшей Школе я обязан крупному ученому а замечательному человеку — Михаилу Александровичу **Мензбиру**, профессору (позднее — академику), моему бывшему учителю в московском Университете.

Именно ему, Михаилу Александровичу, я обязан оставлением при Московском Университете для приготовления к профессуре, а тем самым и возможностью связать свою музейную работу с Высшей Школой.

Первыми официальными шагами наш Музей обязан был — как уже было сказано — гостеприимству са-мого демократического высшего учебного Учреждения того времени — **Московских Высших Женских курсов**, приютивших наш музей и обеспечивших его позднее средствами и стенами.

И здесь уместно с теплым благодарным чувством помянуть не только бывшего директора этих бывших МВЖК, профессора, позднее академика С.А. **Чаплыгина**, но и его двух бывших соратников, — ученых мирового ранга, именно проф. Н.К. Кольцова и профессора, позднее академика П. Сушкина, по приглашению которых я вступил в число преподавателей на Курсы, — предрешившие судьбу музея.

И проникнутой живейшим чувством благодарности и гордости в воспоминаниях моих о **Высших Женских курсах** — я особенно глубоко тронут нынешним приветствием от группы моих бывших учениц, — бывших студенток нашего бывшего Женского Университета.

Ведь по их почину — по их личной инициативе — в 1908 году — впервые введено было в Программу Курсов чтение лекций по Эволюционному Учению и Дарвинизму, переданных мне, в ту пору молодому лектору, не огруженному «дипломами» и «степенями», но захваченному горячо идеей своего Музея, и своей наукой, и своею молодою аудиторией...

И разве не в общении с ней я некогда вынашивал свои идеи и словесные и вещные их формы, закрепленные позднее в экспозиции Музея?

А когда однажды, в недрах факультета, стал ребром вопрос о сохранении за мною курса Дарвинизма, не она ли, эта молодая аудитория моих студенток, обеспечила и мне, и моему Музею ту моральную поддержку, что содействовала сохранению за мною названного курса, а тем самым и Музея, без которого мне жизнь была не в жизнь...

И в свете и на фоне этого бывшего разрешите мне в Вашем лице, как и в лице других сочленов Вашей милой делегации, открыто высказать слова горячей благодарности всем моим бывшим слушательницам-ученицам, широко рассеянным по необъятной нашей Родине и даже не подозревающим о том, как много был обязан им музей в самые первые годы своего существования...

Женские курсы... Не из их ли недр выявилась та, которой суждено было сыграть решающую роль в судьбе моей, или — что то же — в жизни моего Музея?

Из десятков тысяч девушек, учившихся на Курсах и отчасти моих бывших учениц, мне выпало счастливо отыскать именно ту, которая смогла и пожелала в полной мере, нет! сверх всякой меры разделить со мной заботы и труды по созданию **Дарвиновского Музея**.

Только ей, Надежде Николаевне **Ладыгиной**, научные труды которой заняли одно из самых первых мест в науке мира, — наш Музей обязан той известностью, которою он пользуется в мировой науке.

Только ей, Надежде Николаевне, — моему бессменному помощнику на капитанском мостике «Музейного судна», обязан я успешным минованием подводных рифов и спасением при многократных шквалах и порой — тайфунах...

И как многогранно складывалась эта помощь! То чудесными фолиантами научных книг, то острой репликой на заседаниях, то метким корректированием работ художников и препараторов, то кипами сухих и четких регистраций, то лиризмом своей скромной поэтической демократичной Музы, так тепло и так охотно откликавшейся и на Стенных газетах, и в приветствиях сотрудникам...

Именно с нею, моей верной преданной помощницей за 30 лет совместного труда по созданию Музея, я сегодня, в этот вечер, радостно, открыто разделяю все оказанное мне внимание.

Заканчивая краткий перечень ближайших творческих работников и со создателей Музея, остановимся на тех, таланту и усердию которых наш Музей обязан сочетанием в своих стенах науки и искусства.

Можно с полной уверенностью утверждать, что за ничтожным исключением, все, что ни есть талантливого в небольшой семье наших художников-анималистов приобщилось к созиданию **Дарвиновского Музея**, было привлекаемо к его работам.

Опуская несколько эпизодически входивших в круг работ Музея, назовем четыре имени: **три** здравствующих и одно, давно сошедшее с арены жизни.

Человек большой культуры и художник самобытнейшего мастерства, покойный М.Д. **Езучевский** навсегда оставил яркий, глубокий след в Музее, закрепив за десять лет своей работы (1919-29) замечательную серию картин на темы из истории науки, тонко, чутко, красочно увековечив ряд трагических и знаменательных моментов жизни и служения великих гениев научной мысли и новаторов Естествознания....

В иных аспектах отлились талант и творчество трех ныне здравствующих выдающихся художников-анималистов: К.К. **Флерова**, В.А. **Ватагина** и А.Н. **Комарова**.

Каждому из них дано было по своему увековечить свое яркое и самобытнейшее дарование.

В.А. **Ватагин** — признанный глава наших анималистов, в своих ранних но прелестных юношеских работах восходящий до начала настоящего столетия, успел за сорок лет работы для Музея обеспечить целый пантеон своему творчеству, как скульптора, как графика и живописца, поражая потрясающим диапазоном, широтой тематики, от мамонтов до мотылька, монументальных статуй и портретных бюстов, от раздумья Дарвина и до оскала и улыбки павиана...

В несколько ином аспекте отлилось искусство А.Н. **Комарова**, внесшего впервые в стены нашего Музея подлинный «мазок» «Степановского стиля», знание дикого, не «зоопарковского» зверя, отзвуки родной природы и — что самое нам ценное и дорогое — «зверя», «птицу» в отсвете, на фоне, в оттенении «человеком», будь то первобытным человеком, таковым «на рубеже столетий», или современной нам эпохи...

И опять по новому, по своему откликнулось искусство К.К. **Флерова**, удачно сочетающего знания крупнейшего зоолога, палеонтолога, фауниста-систематика, полевика-натуралиста с даром настоящего художника, равно уверенного в передаче и ландшафта, и животного, и человека, опираясь на десятки экспедиций и на наблюдения живой природы на громадном протяжении нашей необъятной Родины.

Им — этим трем художникам — Музей наш всего более обязан тем, что недоговоренное на препарате за стеклом витрин, досказано холстом и кистью мастеров ее и знатоков природы, сотнями картин, вносящими в экспонатуру **Дарвиновского Музея** тот чарующий, интимный, задушевный отклик жизни, передать которые бессильно самое искусно сделанное «чучело».

Им, этим трем большим художникам, — не говоря о ряде более эпизодически работавших, но также даровитых молодых художниках (как Н.Н. **Кондакове**, В. **Трофимове**, А.Н. **Формозове**..) — так радостно-почетно выразить сегодня от лица Музея самую глубокую, горячую признательность....

За ограниченностью времени и поздним часом, я лишен возможности здесь привести по имени весь остальной состав сотрудников нашего **Дарвиновского Музея**, благодарно и тепло отметить роль, участие, заслуги каждого из них в общей работе коллектива..

Но тем более необходимо помянуть с глубокой благодарностью ряд лиц и учреждений, помогавших и доселе помогающих Музею Дарвина извне.

Начну с музеев, долголетней связи с нашими двумя крупнейшими музеями: Московского Университета и Зоологического Института Академии Наук.

Сношения с обоими музеями являются нагляднейшим опровержением воззрений социальных дарвинистов, механически переносящих на людское общество понятия «борьбы за жизнь»: в такой мере в продолжении десятков лет нам удалось поддерживать самые теплые и дружеские отношения вопреки тому, что интересы наши, нас, музейцев и зоологов, соприкасаются так близко..

Разрешите выразить уверенность, что мы и впредь будем поддерживать самые тесные и дружеские отношения на пользу наших учреждений, ко взаимной нашей радости и ..на зло социальным дарвинистам.

Не могу не выразить, в этом контексте, глубочайшей благодарности Дирекции Зоомузея МГУ, в лице проф. С. **Турова** и Г.П. **Дементьева** за ценный их подарок **Дарвиновскому Музею**, приуроченный к сегодняшнему дню: чучело **Белой Кайры** — Альбиноса, экспонат огромной ценности для нашего Музея, вопреки тому, что мы, Советские ученые и патриоты, вообще то не долюбиваем «белых».

Не имея ни возможности, ни времени назвать других коллег-музейцев, помогавших нашему Музею за протекшие десятилетия, я назову только два имени: самого давнего, испытанного друга **Дарвиновского**

Музея, профессора — Николая Алексеевича **Бобринского**, ранее и более других содействовавшего созданию его и уже упомянутого выше нашего крупнейшего в Союзе орнитолога, профессора Г.П. **Дементьева**.. Обоим им да будет мне позволено здесь передать сердечный, благодарный, дружеский привет.

Переходя к другим приветствовавшим меня Учреждениям, начну с того, в стенах которого Музей наш помещается с 13-го года и в закладывании которых я участвовал доцентом, 28 лет тому назад.

И воздавая должное Дирекции **Пединститута**, так корректно-терпеливо ждущего той вожделенной для обоих нас поры, когда наш **Дарвиновский Музей** покинет нынешние, столь гостеприимно предоставленные стены, я хотел бы выразить надежду, что наш вынужденный симбиоз найдет свое естественное окончание лишь после получения нами страстно ожидаемого собственного здания.

Другое Учреждение, почтившее сегодня нас своим приветствием — **Тимирязевская Академия**, тем больше тронула меня что представителем ее явился мой былой товарищ по студенческой скамье, — профессор **Б.К. Гиндце**.

Дорогой Борис Константинович! Сорок лет тому назад сидели мы на лекциях нашего общего учителя, профессора Н.Ю. **Зюграфа**, на заседаниях основанного нами Студенческого Кружка.

И то, что не смотря на нашу длительную разобщенность — в среднем за истекшее сорокалетие мы с Вами виделись не более четырех раз, — по разу в десять лет! — Вы все же так тепло откликнулись на этот вечер, — бесконечно трогает меня, и трогает тем более, что он исходит от крупнейшего ученого- организатора, могущего конкретно оценить, что значит создавать Музей «из ничего»!

Но еще более ценю я Ваш привет еще и потому, что Вы явились представителем большого учреждения, носящего большое имя — нашего крупнейшего бывшего дарвиниста — Климента Аркадьевича **Тимирязева**, когда то на заре моего детства своевременного пришедшего нашей семье на помощь, посодействовав тому, что скромные гербарии моего отца хранятся ныне в недрах Вашей Академии...

И в этом смысле, я, внимая Вашему привету, принимал его как мысленную нить, протянутую от безвестного труда, незавершенного моим отцом-ботаником в глухую пору царского безвременья — к труду, завещенному мне, посильно выполненному в условиях Советской Власти.

Еще раз примите самые горячие слова признательности и за содержание привета, и за то, что сами, лично Вы, их передали мне!

На очереди мой ответ на наименее обычное в музейной практике приветствие — от **Холодильника «Союзпушнины»**.

Да и в самом деле, поднесение приветствий от ученых, институтов и музеев в дни «музейных юбилеев», — вещь, обычная и в зарубежных странах.

Но тот факт, что в адрес нашего Музея поступает юбилейное приветствие **рабочих** фабрики — есть факт, едва ли часто наблюдаемый за рубежом.

И в самом деле. Это тесное общение рабочих Холодильника с сотрудниками нашего Музея протекает много лет так дружески и плодотворно, в обстановке, о которой заграничные музейцы могут только грезить и мечтать. Достаточно сказать, что наши уникальные собрания по цветовой изменчивости пушных животных собраны при помощи десятков острых глаз, умелых рук, и — что важнее — чутких дружеских сердец моих товарищей-рабочих-сортировщиков на Холодильнике.

И обращаясь к ним в день, посвященный нашему музею, хочется сказать всем дорогим моим товарищам на Холодильнике, его Директору, парторгу и рабочим:

— «Этот нынешний наш вечер — одновременно **ваш** вечер, торжество Вашей работы и в конечном счете — торжество, практическое подведение итогов мудрой директивы Партии и Правительства об установке производственной взаимной связи заводских, фабричных учреждений и научных институтов и музеев.»

— «Производственным своим трудом Вы создаете для страны двоякую валюту: золото, столь нужное для нашей внешней, материальной, видимой культуры, и другую — внешне менее заметную, идейную „валю-

ту“, помогая строить уникальный в мировом масштабе **Дарвиновский Музей**, — рассадник современного свободного научного мировоззрения!»

На очереди предпоследняя задача и одна из самых трудных: выразить словами настроения и чувства, что охватывают меня при мысли о тех тысячах и в большей своей части неизвестных мне по имени друзей, которые перебивали в наших стенах и отчасти закрепили свои отзывы в нашей «Музейной Книге», или в письмах мне и Дарвиновскому Музею.

Сколько раз за долгие десятки лет, в минуты временной усталости, в борьбе с бумажным и словесным творчеством вельможных или невельможных, честных и бесчестных болтунов — я при общении с массами снова и снова находил уверенность в себе и в правоте руководящей линии нашей работы.

В меру наших скромных сил и скромного уразумения мы и здесь старались следовать великим Сталинским заветам — о необходимости держания связи с массами, дабы не уподобиться античному Антею, преждевременно погибшему в момент оторванности от родившей его «Матери-Земли».

И в этом смысле я могу назвать великим счастьем — обладание полумиллионной армией моих былых музейных посетителей и в большей своей части преданных друзей нашего **Дарвиновского Музея** от Приморья до Полесья и Памира..

С чувством искренней и теплой благодарности я в этот вечер посылаю дружеский привет нашего **Дарвиновского Музея** всем его друзьям: так, всего прежде нашему Советскому Учительству, нашей учащейся Советской молодежи и товарищам-Красноармейцам, представителям нашей любимой Красной Армии, дававшей нашему Музею неизменно чуткую, внимательную аудиторию, будь то в стенах его, или при выездах моих по лагерям....

Припоминается, как много лет тому назад, я, возвращаясь с памятного заседания («Доме Ученых»), на котором много говорилось о музеях, в частности о Дарвиновском, и о том, будто Музей наш недостаточно активен при работе с массами, что сам я недостаточно реально, действительно участвую в работе с массой, — я, — бездарнейший из математиков — никак не мог согласовать эти суждения с тем, что через собственные свои связки и за двадцать лет работы пропустил четверть миллиона посетителей, никак не мог назвать эту работу «нереальной»!

А бесчисленные отзывы в нашей «Музейной Книге» — тоже, не реальны? А десятки писем, трогательно-чутких, трепетно-приветных от моих былых и лично неизвестных посетителей Музея — тоже «не реальны»? А хронический мой трахеит, — следствие десятков тысяч лекций, мною проведенных в промышленно-музейных залах — тоже «не реальны»?

Так я думал, подходя к Музею, где меня уже ждала очередная группа посетителей, на этот раз в лице пятидесяти молодых курсантов, командиров **Красной Армии**, Военно-Политических Курсов..

И когда по окончании трехчасовой моей беседы, молодые командиры огласили залы моего Музея громким благодарственным «Ура», и в Книге Записей оставили восторженные отзывы, — я понял больше и сильнее, чем когда либо всю силу **Сталинского** слова об «Антее».

И заканчивая этот мой не в меру затянувшийся доклад, мы можем завершить его одним лишь словом: «Здание!»

В этом едином слове сконцентрированы ныне наши главные заботы, нужды, болести и упования..

Будут стены, заново и специально возведенные — и все другое все недостающее доселе механически приложится. Не будет стен — и тщетны будут все попытки выправить имеющиеся недостатки.

Года два мы с напряжением всех сил еще смогли бы поработать в данном помещении, но при угрозе, что придется свертывать отделы за отделами Музея, превращая постепенно выставочные залы в склады фондов для изготавливаемых картин, скульптур и препаратов..

А затем, — затем «анабиоз» Музея, как культурно- просветительного Учреждения и — что прискорбнее — «некроз» его, как уникального хранилища ценнейших, уникальнейших сокровищ...

Очередь теперь за стенами, единственно способными дать форму, жизнь, цельность, завершение сорока-летней творческой работы нашего Музея, нашего идейного создания.

Но с этим делом надо торопиться. Оно срочное. Ему грозит опасность.

Не от возрастающей загруженности помещения, внушающей тревогу в отношении пожарном: Наши сокровища мы зорко охраняем.

И не от вредителей из класса насекомых, моли, или кожеедов, — с ними мы справляемся посредством мышьяка и нефти.

И не от вредителей из высших представителей Млекопитающих, из категории «приматов»: от двуногих похитителей мы обеспечены малоизвестностью наших сокровищ и отчасти грузом выставленных экспонатов: за покражу наших двух слонов мы не боимся!

И не от вредителей, гораздо более опасных — от бесчестных или честных болтунов и бюрократов, распылителей музейных ценностей под флагом децентрализации — мы обеспечены теперешним музейным руководством...

Но имеется одна опасность, наивысшая, что при дальнейшем замораживании вопроса о постройке здания для **Дарвиновского Музея**, преждевременно иссякнет то, что выше и ценнее всех картин, и чучел, и скульптур, — что поугаснет энтузиазм и порыв, которые их создавали!..

Ибо, как и все людское, так и самый пламенный, горячий энтузиазм все таки не вечен, даже более того, чем ярче он пылает, тем скорее он — увь! сгорает.

Здесь уместно было бы, пожалуй, вспомнить саркастическое замечание **Гете**, говорившего, что «Энтузиазм — не селедка, не селедочный товар, который можно консервировать на долгий срок!»

Позвольте думать и надеяться, нет! выразить уверенность, что не в пример своим предшественникам, новое управление **Наркомпроса** — полностью согласно с афоризмом **Гете** и, дав стены **Дарвиновскому Музею**, сможет положить конец двадцатилетней консервации самого ценного, что существует в жизни — **творческого энтузиазма!**

Конспект Юбилейного доклада-отчета 24/IV.40

Оправдание Юбилея: Совесткие юбилеи, как «дни отчета» перед Обществом и ЗА него. — Юбилей-докладчик, как «музейный экспонат.» — Автобиография, как «жизненный этикетаж». — Необходимость предварительной Прелюдии к Докладу. —

Пролог к Докладу: беглый абрис отца и матери, их встречи и короткого совместного пути. — Первые страницы жизни будущего основателя Музея. —

«Детские Прелюдии будущего **Дарвиновского Музея**». — Экскурсия — Первая любовь, — первая Орнитология — Первый Музей — Первая Энтомология — Безперспективность этой ранней страсти. — Два брата в жизненном челноке. — Смерть старшего. — А.Н. Милотворская. — Переведение в Гимназию — юный Классик. — Дальнейший путь призвания в жизни **вне** и **помимо** школьного образования. —

Первая Сорока. — Первая «Труба». — Первое чучело. — Первый Музеи. — Знакомство с Лоренцем. — Первые подмосковные экскурсии. — Первая научная поездка в Сибирь. — «Неувязанность музея с Дарвиным.»

Первая поездка за границу. — Знакомств с выдающимися дарвинистами и крупнейшими музеями. — Разрыв между идеей и музейной формой ее внешнего отображения. — Мысль о создании собственного специального Музея Дарвинизма. —

Проведение идеи в жизнь: Стены, средства, содержание (состав) Музея. — Роль Женского Университета, как первой восприимчивости Музея, давшего стены и некоторые средства. Личные затраты — заработки, при строжайшей экономии. — Бесплодные обращения к меценатам. —

Смерть Лоренца. — Три года службы за «плату чучелами» — приобретений сокровищ, собиравшихся пол-века. — Вопрос о ближайшем помощнике — Н.Н. **Ладыгина**. — Первые этапы совместного пути. — «Свадебные подарки» и «Свадебное путешествие». — «Финансово-экономические планы и ресурсы» МФ.

Борьба за обособленное помещение на Курсах. — Роль Гориллы. — Передача Музея **Курсам**. — 2-ая научная поездка за границу. (20 Музеев, поездка в Даун, посещение Гэккеля). Музейные приобретения. — Их поступления.

Империалистическая Война. — Остановка жизни в Музее. — Общее состояние Музея до Революции, накануне Октября:

Распыленные ценнейшие коллекции, мобилизованные сотрудники, общество платонически приветствовавшее учение Дарвина, Правительство, косившееся на него. — **Дарв. Музей** — лишь на музейных бланках да в сознании основателя.

Октябрьская Революция в корне изменяет дело. Предоставление помещения, демобилизация сотрудников, ассигнование средств.

Взгляд назад — работы Д.М. в первые годы после Революции. Три комнаты. Отзыв иностранца. — Реплики московских обывателей. — Личная жизнь, растворявшаяся в творческой работе.

Октябрьская Революция — как знаменательный **переломный** момент в жизни **Музея**, из учебно-вспомогательного учреждения ставшего общедоступным **Массовым**. — Выдвижение трех задач и трех забот: уточнение задач Музея, содержания Музея и его работ.

Накопление груза, пополнение экипажа, уточнение рейса предстоящего путешествия.

Излишность длительного объяснения конечных целей и заданий нашего **Музея**, как советского научно-просветительного учреждения: как одно — и не последнее судно громадной, необъятнейшей советской просветительной «флотилии» — наше музейное судно имеет общий с нею «рейс» и общее предназначение — итти к высокой цели построения коммунистического общества.

Конкретно нас интересуют здесь **практическое проведение ближайших** целей и ближайших способов водительства музейного судна.

Руководящее правило: «Действительно общедоступным т.е. общенным может быть только Музей, равно волнующий и массы, и ученых-знатоков», т.е. людей, предельно разнящихся по образованию и возрасту. —

Борьба за полноценную экспонатуру, борьба с неполноценными объектами учебно-школьного характера.

За невозможностью покупки полноценных экспонатов в готовом виде — их изготовление на месте силами самих сотрудников Музея.

Всего более бесспорно это проводимо на научной, собственно исследовательской работе.

Работы Н.Н. Ладыгиной-Котс

.

Работа над **Шимпанзе**: 25 лет тому назад. Опубликовано в 1925 году. Применение «Котсовского» метода. — 3-е место в мировой науке. — Приглашение в Америку. — По Радио, в учебниках у нас и за границей.

Работа над Макаком: «Способны ли Животные к „трудовым процессам“?» В 1928 году. Классические со дня опубликования. —

Работа «Юбилейная» 1935 года «Дитя Шимпанзе и Дитя Человека». Внимание крупнейших ученых и у нас — Максима Горького. —

Работы с попугаями, с собаками, над счетом — ждущие опубликования.

Работы, позволяющие в корне изменить экспонатуры ряда глав в нашем Музее.

Минуя собственные мои работы — которые завели бы нас слишком далеко — к работам — **Научно- Экспозиционным**, широко пронизанным моими собственными исследованиями.

Работы **препараторские**. — Сооснователя Музея, «Боцмана» музейного судна. Орденосца Ф.Е. **Федулова**. —

Монтаж Слонов. — Послесловие в порядке «покаяния». Роль слона при посещении жилищных «выселительных» комиссий. (Обратное — чем у Гориллы!)

«Тайна Африканского Слона». — Излишность прибегания к его помощи в данное время. —

Другие примеры: «Омоложение столетнего козла». — Тигр из ковра — Стадо Орангов — Продукция одного года. — «Сериальный монтаж».

Работы препаратора Дм.Як. **Федулова**. — Реставрации объектов столетней давности.

Сохранение уникальных документов, угрожавших иначе погибнуть. Монтаж пушных животных. — Аберративных серий. —

Работы собств. художественные: их оправдание.

Лежащая в основе человеческой природы связанность запросов чувства и ума: эмоциональная обусловленность процессов познания и восприятия по принципу: незахваченное чувством не усваивается и умом. Не полюбив науку, не познать ее: в музейной практике путь к идейному познанию лежит через порог эмоций: эмоциональный захват зрителя.

Ответное и благодарственное слово Юбиляра — будь то учреждения или отдельного лица — задача, выполнение которой даже в лучшем случае возможно только с относительным успехом, — или, выражаясь школьною терминологией — только на «Пос».

В меру своих слабых сил я попытаюсь все же разрешить эту задачу.

Как и всякий организм, будь то человек, или общественное учреждение, так и Д.М. является продуктом двух взаимодействующих факторов:

Природных свойств людей и внешней окружающей среды, определяющей фактическое выявление этих свойств, их направление, их формировку. — «Природа Организма и природа окружающих условий».

Вопрос: какая роль на долю каждого из этих факторов в истории Д.М.

I. условие: **Эмоциональный а не только умственный подход к содержанию М**. Страсть к коллектированию: вживание в объекты: — основной спецификум психологического склада настоящего Музейца. Музеологическая страсть маньяка-собиранья. — Привелегия быть «природным музеологическим маньяком» — приписать себе. Примеры: — Гете —: симптомы прирожденного зоолога- музейца, страсть которого столь же наследственна, как форма носа. Эту страсть — я считаю унаследованной от отца-ботаника и матери — энтузиастичной любительницы цветов. **Ни о какой заслуге самого меня в этом процессе получения моего духовного наследия говорить, конечно, не приходится.**

II. На очереди рассмотрение II-ого Фактора, сигравшего решающую роль в истории Музея — **Величайшая настойчивость в работе по созданию Музея** «Залогинская Эпопея». Факт приобретения з. коллекции. — Безднадежность переуступки. — Передача в **Пол. М.** — Наведования туда. — Напрасные старания, неприкосновенность коллекции. — Безднадежность ситуации. — Наведование З. Выжидание. Уточнение профилей Музеев. Обращение в П.М. — Победа. —

В какой мере в этой фанатической настойчивости, без которой невозможно было бы создание М. — есть какая либо доля собственной моей заслуги? Никакой!

Эту настойчивость, это упрямство я всецело унаследовал от матери. Видеть личную заслугу **не** приходится.

III. Страсть к педагогике. — Радость передачи собственного знания, — черта, типичная и специфическая для советского музейца.

В какой мере эта страсть была мне свойственна — ряд следующих примеров. Проф. Мензбир — Встреча на площадке Института одного из ассистентов. С какой жгучей завистью на человека, уже привлеченного к занятию со студентами. 40 лет — впечатление не изгладилось: при встрече с В.А. воспоминание о той первой встрече, с чувством тягостного чувства..

Страсть, внесенная в занятия со студентами — со страстью заядлого картежника и пьяницы. — Занятия с лягушкой с пафосом. — Лекции по Дарвинизму. — Перенесение опыта в Музей: 200.000 с лишним человек, лично обслуженных.

И тысячи восторженных и трогательных отзывов — останутся до заката моей жизни самой лучшей, длительной наградой — но наградой **незаслуженной**, по той причине, что мое влечение к педагогике, столь же врожденное как и призвание зоолога и педагога.

Возможно — знакомства с выд. лекторами стимулировали желание отдаться служению умственной культуре помощью живого слова, но чтобы стимулировать желание надо иметь его и лично я всегда смотрел на свою страсть к преподаванию как врожденную, как унаследованную от педагога-матери и от учителя-отца.

Но очевидно, что и в этой стороне моей работы **нет** места для искания особенных заслуг: и обслуживая тысячи благодарных слушателей я только изживался в своем собственном призвании, применяя к себе слова «певца» из одноименной баллады Гете:

Пою, как птица та поет, что в ветках обитает, та песнь, что из ???... награда не ожидает!

Таковы **три** первые существенные предпосылки, без которых я не смог бы приступить к созданию **Дарвиновского Музея**. Страсть к животным, собиранию. — Непреклонность воли, страсть к педагогии. Черты врожденные пассивно мною унаследованные от моих родителей.

Недостаточность этих трех данных.

Откуда мысль о связи, отражении последних выводов науки в вещных образах музейной экспозиции?

Ведь не родился же я **Дарвинистом!** Нет, конечно; стимулы к формированию научных взглядов следует искать во вне: в условиях среды и общества, в общении с людьми и книгами. — Путь от Музея к Дарвину — до нельзя прост! 1905 год. — 1-ая научная поездка за границу. Личное знакомство с крупнейшими учеными и величайшим из музеев. Несовершенство последнего. форме.

Там — живая стройная и творческая мысль — здесь обрывки мыслей, тусклые по

В итоге разрыва — мысль о создании своего Музея! В зарождении концепции или нового музея — не приходится искать заслуги персонального характера. Возможно говорить о счастье, об удаче личного знакомства с крупными учеными и с величайшими музеями. Что впечатление от первых яркое, а от второго — тусклое — можно констатировать: искать в этих реальных предпосылках поводов для похвалы нет основания!

На очереди — вопрос о проведении идеи в жизнь. Невозможно, не найдись в нашей стране ряд выдающихся художников и препараторов — этих **реальных**, подлинных строителей задуманного вновь Музея. Цитата Каммерера. Вне России — задача вряд ли разрешима.

Но если решающим моментом для **фактического** построения Музея — наличие талантл. голов и рук — т.е. счастливая общественная конъюнктура — т.е. к ее созданию сам основатель Музея **не** причастен. Чтобы

приглашать талантливых людей — надо иметь их и без них (...) Музей учебно-вспом. типа, для создав. которых потребно немного времени, средств, сил и никаких талантов.

Итак счастливый факт существования в стране талантливых голов и рук (художников и препараторов) я лично затрунил бы вписать в свой собственный актив.

И далее. Что в том, что были даровитые художники, если использовать их не под силу учреждению.

Для использования их нужны были средства и еще ранее — **стены!** В.М. — не собрании почтовых марок! нужна кубатура, квадратура. — **стены.**

Решающую роль в истории нашего Музея одного из наиболее демократич. Выс. Учреждений времен Царизма — **Высш. Женских курсов**, возникших вопреки желанию царского правительства и содержавшихся на частные взносы слушателей. В 1907 году — приглашение меня на Курсы и тогда же по просьбе слушательниц Курс по Эволюц. Учению и Дарвинизму. Родись 10 годами раньше — !!!

Первые шаги Музея стали обеспечены но лишь при крайней экономии: все заработки шли на устрое-ние Музея (до 3000 руб. в год) **пожертвование**. Но и этого было недостаточно! Встреча с Н.Н. **Ладыгиной-Котс**. Служба у Лоренца за плату чучелами. — Три года службы за чучела. Отсутствие замкн. помеще-ния. — Горилля эпопея. — Маша и ее финанс-планы. Возможность приурочения Музея к Курсам — удача но не заслуга. Достаточные для учебно- вспомог. учреждения средства Курсов не достаточны для превращения его в массовое учреждение.

Оперившийся Орленок, переросший стены своего гнезда — Музей, напрасно расправлял крылья: было некуда лететь!

Разрешение вопроса о превращении Музея в массовый — лишь благодаря **Октябрьской Революции**, дав-шей Музею средства, стены, штаты, все условия для мощного развития.

Снова и опять является вопрос: перед лицом такого грандиозного события как величайшая из Революций — совершенно изменившей жизнь и культуры нашей родины и отразившейся так глубоко на **Дарвиновском Музее** — можно ли серьезно говорить о роли и заслугах частного лица, только захваченного этим мировым событием??

И то сказать Декабрьскую Революцию 1905 года я провел за планированием **Дарвиновского Музея**.

Социалистическую Октябрьскую — за организацией Музея в новом помещении. И все же эта внешняя моя далекость от Политики не помешала мне почти что с первых дней — включить себя в работу **Наркомпроса** и принять участие в разнообразнейших его работах..

И чтобы объяснить это почти немедленное направление Курса **Дарвиновского Музея** по фарватеру **Со-ветской Власти** — остается рассмотреть последнюю черту водителя Судна — стремление к подлинному **демократизму**.

Иллюстрации его. Остро и тягостно воспринималось социальное неравенство людей на Ю.Фр. Доселе па-мятно мне омерзение, с которым я глядел на безконечные ряды автомобилей, мчавших игроков-виверов. Противны надписи «Рентье» на входах заг. вилл.

Кратковременный проезд на 3-степеном волжском пароходе — отравлялся контрастом внеш. довольства жуирующих пассажиров и нищетой раб. Поволжья.

Это осознание имущ. неравенства людей — отлив. порой в наивные формы. Привеллегия иметь свой эки-паж — в первые годы.

Охваченный мыслью об устранении «барского комфорта» — сплавил за безценок кое-что из обстановки — казавшейся неуместной для советского учен. Искренность этих убеждений и чувств, готовность отказа от мещанской мишуры и обывательщины, от всего не связанного с идейными интересами. Источник этого «демократизма»: его связь с зоологизмом.

Дарьюшка. — Пользование приватными уроками рабочего-препаратора. Позднее: служба у Лоренца за плату «чучелами» — симпатии на стороне раб.

Из рядов — вышел **Федулов**. —

Вывод:

Неопытные руки Д., и рабочий, и кустари в подвалах, и рабочие Фирмы Лоренца, и тов. **Федулов** в продолжение полвека приобщили к двум вещам: препараторскому делу — и подлинному демократизму — длительному и любовному общению с рабочим людом.

В этом смысле — я могу считать себя учеником **рабочих** и всею долгой практикой усвоил все вел. значение руковод. лозунга о сочетании работы умственной и физ. сближения людей физ. и интеллект. труда.

Эта полученная с детства школа при общении с рабочими сделала то, что я не отказывался в продолжении всей моей жизни в меру слабых сил ни от какой работы — если она связана была с идейной целью.

Таковы главнейшие, доступные анализу и рассмотрению, **условия** и **факторы**, позволившие в 1905 г. реально приступить к созданию Д.М., — осенью 1917 г. слить свою работу с таковою **Наркомпроса**, в твор. работе пережить трудные годы и довести Музей до сегодняшнего Юбилея.

Еще раз перечислить: 4 — персональные, 4 — Социальные. Те и другие лежат далеко за пределами личных заслуг и личн. влияния.

Таковы восемь предпосылок, без которых невозможно было бы создание Дарв. Музея. Которые более решающие — нереально.

Одно — все они упирались о врожденную любовь к Природе, к животным и к музейному их собиранию.

Родись я деревенск. мальчиком — проведя я детство в деревне — я сделался бы пастухом-стахановцем но к зверям бы я пробился раньше или позже.

Внешняя среда — определила бы лишь **форму** и **место** служения но не в силах вырвать прирожденный стимул, которым я обязан родителям

И эта прирожденная страсть к животным не только **не** зависела от моей воли но всецело, властно и неумолимо диктовала мне мои стремления все помыслы, все поведение за более, чем полвека.

И подчиняясь этому дикт. властному велению, изживаясь в этой страсти я находил огромнейшую радость и неиссякаемое счастье.

Видеть в этой радости и в этом счастье личную мою заслугу, награждая меня за эту радость и за это счастье — то же, что благодарить поэта за его личные переживания, даваемые его творчеством, благодарить заботливую мать за радость, доставляемую ей ее ребенком.

Таковы причины, вынуждающие меня лично отрицать какую бы то ни было заслугу в том, что я родился фан. зоологом-музейцем-педагогом и души идет ??? застал среду, содейств. его факт. выявлен ???

Но если так, если из всех условий или предпосылок, нужных для создания Д.М. — половина — прирожденные черты и свойства, а другие, привнесенные извне, те и другие — без моей заслуги а отчасти без малейшего участия — то где же тот остаток, что оправдывал бы хоть отчасти то внимание, которое проявлено сегодня лично в отношении меня?

Эту свою скромную свою заслугу я беру на себя смелость — понимать в троякой форме.

Выражаясь образно, аллегорически, уподобляя жизнь и строительство Музея плаванию на корабле, я склонен видеть свою миссию, как капитана корабля в тройном разрезе.

А. В выборе сотрудников — подборе экипажа корабля

В. В умении пользоваться навигационными приборами

С. В упорном следовании должной цели, несворачивании с пути.

Начну с подбора экипажа. Все они художники и препараторы имели пребывание в Москве открыто в продолжение десятков лет и на виду у всех. И средства, отпускаявшиеся **Наркомпросом** для Музея нашего не превышали ассигнуемые для других музеев и отчасти явно уступали им. И все же только Дарвиновскому Музею удалось привлечь к своим работам все, что было наиболее талантливого и культурного среди художников-анималистов, закрепить их за собой ценою не одних лишь денег.

И, однако каково бы ни было участие водителя судна в подборе экипажа ясно, что успех и достижения рейса корабля определяются в конечном счете именно самоотверженностью и талантом экипажа — без которого один на капитанском мостике сам капитан судна являл бы из себя картину полного бессилия.

Переходим ко второму пункту, — цели, направлению пути, — ближайшей музеологической нашей задачи.

Ее можно сформулировать, как построение **Музея** подлинно общедоступного и массового, одинаково волнующего массового посетителя и знатока.

Короче наша цель — создание Музея, равно приспособленного для людей, предельно различающихся по образованию и возрасту — сезонников-рабочих и ученых-академиков.

И опираясь о наш уникальный опыт по обслуживанию на тех же экспонатах и неграмотных сезонниц и ученых мирового ранга — мы считаем, что задача эта выполнима полностью и совершенно, и при том трюкким образом:

А. Вещной полноценностью имеющихся экспонатов.

В. Новаторскими формами показа.

С. Идеальной насыщенностью всей экспонатуры в целом.

Выражаясь коротко: Война академизму и элементаризму! Ничего сухого, тускло идейно неоправданного! Новизна либо фактического содержания, либо идеи, либо формы внешнего показа! Борьба с неполноценными объектами школьного типа.

Наконец — последняя особенность нашего рейса — постоянное использование испытанных приемов мореплавания.

Сколько раз за два последние десятилетия нам приходилось слышать и парировать упреки в том, что увлекаясь созданием новых капитальных экспонатов, подлежащих полному использованию только в будущем, упреки в том, что мы недооцениваем «запросы» дня, текущие требования потребителя.

Поймите — хочется сказать таким недаленовидным критикам — что создание капитальных экспонатов силами нашей бригады уникальных, замечательных сотрудников — ведь это есть — наша «**Тяжелая Индустрия**», без которой невозможно и немисливо создать Музея массового типа, одинаково волнующего и знатоков и массы!

Нет ничего легче, как идя по линии наименьшего сопротивления, довольствоваться фабрикацией учебных показательных пособий, отвечающих, быть может больше требованиям «дня» но неспособных захватить ни массового зрителя, ни знатока предмета.

И по адресу таких недаленовидных критиков, мы отвечали ссылками на сопоставление худ. экспонатов **до** и **после Революции**.

До Революции — полсотня таблиц и акварелей. Пара скульптур учебн. характ.

После Революции: Скульптуры анимал. и портретные, бюсты, статуи, многометровые картины, сотни акварелей и пастелей, — с первых дней послевоенной разрухи.

Скульптуры: фигуры людей Палеолита, Бюсты, статуя **Чарльза Дарвина**. Показ на этой работе — всех сторон Ватагинского творчества: Стадии работ 6-7 дней, на 8-дне завершение работы. Оценка внуком в 1928 году.

Бюсты Тимирязева, Мичурина. —

Резец и кисть Ватагина не знает некрасивых форм и не изящных линий, их чувствование даже там, где они кажутся сомнительными, недосказанными.

Желание, чтобы Ватагин смог бы пробудить в себе желание и силы для второго, нового **тридцатилетия**.

Работы М.Д. Езучевского — «Человек как социальное явление.»

Человек большой культуры, тонко чувствующий «стиль» эпохи, мастер техники, уверенного смелого мазка и острого рисунка Е. поражал своим умением отображения в самых сжатых абрисах тончайших нюансов человеческ. переживаний. Портретист душевной жизни (Зееленмалер) Езучевский создал около полусотни замечательных вещей — к истории Естествознания, Дарвинизма, к истории культуры — борьбы за свободное мировоззрение!

Работы А.Н. Комарова. — Талантами и творчеством В. и Е. — не обеспечивались все худ. работы.: Два пробела, два участка, две тематики: домашние и Промысловые животные.

Знарок природы и знакомый с «вольным» зверем с «вольной» птицей а не только узниками Зоопарков, Чуткий человек и наблюдатель, чувствующий зверя, как кусок ландшафта и ландшафт, как личное переживание **Комаров** с особенной любовью и вниманием останавливается на двух животных: самых преданных сподвижников нашей культуры и четвероногим спутникам: **собаки** и **Дом. Лошади**. — Излюбленная тема, не устающего проникать к этим двум образам, находя все новое очарование в их формах, движениях, в их «говорящих» взглядах.

Впервые с сочных выразительных холстов, охотничьих сюжетов стали чудиться и храп, и топот лошади и лай собак то в неприветливой тайге, то в золотых пустынях Туркестана.

Занятие им самобытного места на почве тройного дарования: умения правдиво, красочно передавать поэзию родной природы, образы привольного родного зверя и четвероногих спутников культуры человека..

Переходим к следующему художнику-анималисту, скульптору и живописцу: Конст. Конст. **Флерову**.

Недавно относительно примкнувший к коллективу **Дарв. Музея**, наш коллега **Флеров** с первых дней своих работ успел занять одно из самых первых мест — не только по скульптуре но и в отношении живописи.

За короткий срок немногих лет — он одарил Музей монументальными вещами: реконструкциями вымерших животных, не имеющимися ни в одном музее мира как показывает ряд картин, удачно закрепивших некоторые его работы.

Крупный зоолог, автор до 50 научных работ, объездивший с научной целью все окраины нашего Союза и перевидавший большинство зверей в ест. условиях, Коллега **Флеров** лишь совсем недавно смело и решительно переседлал своего жизненного коня, сменив перо ученого на кисть художника и на резец ваятеля. И то, что **Дарвиновский Музей** сыграл здесь некоторую роль (при непосредственном участии В.А. **Ватагина**..) Музей наш до известной степени ставит себе в заслугу..

Недостаток времени не позволяет нам остановиться на других художниках-анималистах, в частности на очень энергичном, наиболее дерзающем из них. Вад. Вад. **Трофимове**, — создателе чрезвычайно instructивной серии скульптурных реконструкций «предков Лошади» и множества других вещей объединенных общей мыслью «Приспособления в Животном мире».

На этом Вы позвольте мне закончить краткий перечень работ по созданию новых экспонатов силами самих сотрудников Музея — будь у меня время — я отметил бы работы и других художников, Формозова, и Кондакова, Лушников и Урановой, Потапова, за недостатком времени и потому, что комментарии этих работ нас увели бы слишком далеко я вынужден здесь ограничиться лишь перечисленными именами.

Но, откуда спросят самый материал зоологических коллекций, самое сырье, что поступало в препараторские мастерские нашего Музея.

Это сырье и материалы слагались частью из больших запасов прежних лет, приобретенных некогда от Лоренца, частью от заграничных фирм но всего более еще из двух источников.

А. Из Московского Зоологического Сада, хлопотливого, большого учреждения, сохраненного в трудные годы непосредственным участием.

В. За счет неисчерпаемых богатств — **Союзпушнины**. —

Таковы главнейшие источники и формы создания экспонатов за истекшие **двадцать** два года **Советской власти**.

В итоге всей тридцатипятилетней деятельности — в действительности же опираясь о полувековые сборы — **Дарвиновский Музей** располагает абсолютно уникальными собраниями по следующим разделам:

Изменчивость Млекопитающих и птиц. —
Портретные скульптуры к истории эволюц. Учения.
Ориг. картины к истории Естествознания
Картины по сравн. Психологии
Скульптуры анимал. содержания
Картины к иллюстр. пушных животных
Картины по морфологии и биологии животных
Фотоувеличений — иллюстр. экспер. научные работы Музея
Серия картин: «Детство у животных»
Граф. реконструкции вымерших животных (рисунки, скульптуры, картины)

Примерно по стольким же разделам Музей располагает коллекциями уникальными в общесоюзном масштабе.

Выражаясь кратко — и без преувеличения можно сказать: по ценности выставочных коллекций **Дарв. Музей** занимает **второе** место в Союзе, по научным фондовым — третье место.

Сравнение Музея с судном, груженным драгоценным грузом, собиравшимся почти полвека. Лишь немного удалось показать. Большая часть хранится в трюме.

Рейс судна был исключительно удачен: есть чем порадоваться и водителю судна, и экипажу.

Как относятся к этим успехам самые создатели Музея?

Мы не склонны преувеличивать наши успехи, наши достижения.

Размеры успеха расцениваются по размерам затраченных усилий и понесенных жертв. Обзор таковых.

Для меньших успехов не стоило нести все эти жертвы!

Промахи и упущения в работе. (**Зоосад, С.Х. Выставка**, Езучевс. Ват.)

Положительные стороны водительства Музейного Судна:

Подбор экипажа.
Неуклонное следование намеченному рейсу.
Умение пользоваться навигационными приборами.

Пользование **Марксистским Лотом** и **Советским Компасом**.

Ссылки на **Ленина** и **Сталина**.

«**Критерий Истины** — есть **Практика**»

Здание: Срочность этого вопроса. Афоризм Гете. Заключение.